

Радетельницы просвещения

(Окончание. Начало см. в № 1–2014)

Об известных ульяновских педагогах М.Д. Вёховой, В.В. Кашкадамовой и А.Ф. Щербо оставила свои воспоминания **Екатерина Хрисанфовна Нецветаева**: она была родом из деревни Буйковка (ныне Майнский район), земли которой принадлежали помещице Марфе Вёховой – близкой подруге Веры Васильевны Кашкадамовой.

Е.Х. Нецветаева с внучкой Олей, М.И. Герасимовой и сестрой Анной. 1970

А.Ф. Щербо

В 1900 году Марфа Вёхова передала Симбирскому уездному земству деревянный, крытый железом дом со всеми постройками в деревне Грязный Ключ под начальное училище. Первой учительницей в нём была Александра Феодосьевна Щербо, гимназическая подруга Ольги Ильиничны Ульяновой (сестры В.И. Ленина). А.Ф. Щербо – замечательная народная учительница. Она проработала в этом училище 27 лет. В 1925 году, в связи с временным закрытием школы, переехала в Ульяновск. С М.Д. Вёховой А.Ф. Щербо находилась в большой дружбе. По рассказам Геннадия Никонова из д. Погребовские Выселки известно, что в зимнее время Александра Феодосьевна каждый день пешком (5–6 км) ходила в Буйковку к Марфе Дмитриевне, где встречалась с В.В. Кашкадамовой и её сослуживицами. Вера Васильевна тоже иногда бывала в Грязном Ключе у Александры Феодосьевны. Их связывали не только добрые человеческие отношения, но и деловые.

«Из Симбирской гимназии, – вспоминал брат Пётр, – Буйковская и Грязноключевская школы получали недо-

стающие учебники, графитные доски с грифельями, тетради, карандаши и литературу для детей. Когда я учился в школе, то почти ежегодно устраивали в нашей школе объединённую с Грязноключевской школой рождественскую ёлку. Ученики Грязноключевской школы всегда выделялись большим знанием стихов, рассказов, басен и др. В двадцатые годы школа, руководимая В.В. Кашкадамовой, шефствовала над Буйковской школой и сделала очень много для ознакомления ребят с достопримечательностями и жизнью города».

Благотворительность М.Д. Вёховой, желание принести пользу народу привлекли внимание писателя-краеведа Валериана Никаноровича Назарьева (1829–1902), друга и помощника И.Н. Ульянова. Назарьев жил недалеко от Буйковки. В своём последнем произведении – повести «В своём краю» (1902) – Назарьев показал «благотворительность» ради славы, почёта, награды, а в противоположность – настоящих благотворителей, которые хотят помочь народу. К таким относится героиня повести, «строительница» школ

Четвертакова, прототипом которой явилась Марфа Дмитриевна Вёхова.

Краевед Александр Авдонин писал, что и после отъезда из Буйковки (в 1929 г.) «Вёхова продолжала интересоваться школьным делом, заглядывала в Буйковскую школу, участвовала в совещаниях учителей». Моя сестра Анна рассказывала, что в Буйковской школе Марфа Дмитриевна устраивала ёлку для крестьянских детей, а чтобы все могли видеть ёлку, в раздевалке разбирали дощатую стенку. На каждого ребёнка давали ситцу. У кого много детей, несли целые сувёи (большие свёртки).

Хотя Дубёнки были ближе к д. Тимофеевка, где жила богатая помещица Екатерина Дмитриевна фон Арнольд (её девичья фамилия Начаткина, училась она в симбирской женской Мариинской гимназии в одном классе с Ольгой Ильиничной Ульяновой и А.Ф. Щербо), но школу в Дубёнках построила Вёхова, а не Арнольд. Фон Арнольд владела 825 десятинами 267 саженьями земли, имела при доме фруктовый сад, около 10 десятин, луга, лес. У неё был большой двухэтажный дом, а также дом управляющего имением, дома для рабочих

и прислуги, ряд надворных построек: конюшни, амбары, сараи. Была у неё мукомольная мельница, работавшая при помощи двигателя внутреннего сгорания. В 1912 году был построен и заработал винокуренный завод. Имелся хороший пруд, где много водилось рыбы, но ловить рыбу посторонним строго запрещалось. Смелчаков, решившихся попробовать барской рыбки, штрафовали или увольняли с работы. Если скот крестьянский зайдёт на её землю, посеы – тоже штраф. Крестьяне ненавидели фон Арнольд... В 1918 году, после освобождения Симбирска, она бежала с белыми. Кое-как добралась с ними до Сибири. Осталась в одном селе, которое захватили красные. Поступила работать медсестрой в заразный военный госпиталь советского красного командования. Три с лишним года работала, получила документ на право выезда и проживания в тех местах, где пожелает. Эти сведения получены мною от брата Петра из Москвы в феврале 1965 года. Я тогда работала над рефератом «Круг друзей и знакомых семьи Ульяновых».

Так вот, рядом жили две помещицы, совершенно не похожие по своим взглядам. Одна – Арнольд – настоящая полукрепостная помещица, другая – Вёхова М.Д. – человек, заботящийся о простых тружениках.

Брат писал: «Во время революции (1917–1918) крестьяне деревни Буйковка и других соседних деревень, оценивая всю проделанную полезную и добрую работу (на ниве просвещения) для них, оставили М.Д. Вёхову жить в своём доме, т. е. не конфисковали её

собственность. Правда, собственность была незначительна: небольшой деревянный дом, надворные постройки (конюшня, амбар, каретник-сарай). Фруктовый сад с огородом был оставлен ей в качестве земельного надела, для прокормления. Надворные постройки были проданы местному жителю по добровольному соглашению в цене и одобрению всем обществом деревни».

Марфа Дмитриевна была крёстной матерью у моей сестры Нюры, которая её так и звала: крёстная. Жили мы бедно, и в праздники, если Нюра шла с подругами погулять, Марфа Дмитриевна давала ей свой чёрный кружевной платок, чем несказанно радовала свою крестницу – первую красавицу в округе. Когда Нюра выходила замуж, Вёхова пригласила её к себе, благословила.

Марфа Дмитриевна на свои довольно скромные средства, по словам М.И. Герасимовой, содержала Анну Григорьевну Медведеву (которая потом заведовала Дворцом книги) на высших женских курсах (видимо, в Казани – об этом я не догадалась спросить Марию Ивановну).

Можно с уверенностью говорить о том, что она в дореволюционное время вела агитационную работу в окрестных деревнях. Об этом мне рассказывали родители, об этом слышала от старшего брата Петра и от сестры Анны. Со слов Петра, в районной газете была небольшая статья, посвящённая М.Д. Вёховой, и там рассказывалось, как она открывала глаза народу на существующую несправедливость. Написал её учитель Иван Фёдорович Марков (ныне покойный).

Привожу записанный мной рассказ сестры, который и без того остался в моей памяти:

«Марфа Дмитриевна многое рассказывала нашим родителям, она им очень доверяла. Какой хочешь секрет говорили... Они, наверное, нашего папу любили (они – это Марфа Дмитриевна, Вера Васильевна, Александра Николаевна, учительница, фамилию не помню. – Е.Н.). Иногда с улыбкой вспоминаю, как Марфа Дмитриевна и Александра Николаевна зашли к нам. Видимо, зима была, т. к. горела лампа (рано темнеет). Я и братья сидели за столом. А гости пришли с собачкой по кличке Марсик. Собачка прошла под стол, а я, видимо, боялась её. И когда гости стали уходить, а собака под столом, я наклонилась к ней и говорю: «Марсик, иди, мать-то уходит». А взрослые это слышали, может, рассмеялись потом, так что и я не забыла до сих пор об этом курьёзном случае. В каком году уехала Александра Николаевна, не знаю, но слышала от братьев о её печальном конце. Она жила, кажется, в Казани, стирала бельё, рядом горел примус. На Александре Николаевне загорелось платье, она ругалась и вместо того, чтобы воспользоваться водой, в которой она стирала, выбежала из комнаты. От движения воздуха, от ветра, её всю охватило пламенем. Погибла.

Здание школы в д. Грязный Ключ.
Фото Н.П. Невцветаева, 1975

Пётр Егоров (слева) с отцом. Девочка между ними – Екатерина (Невцветаева). Москва. Кинокадр, 1937

Так вот, Марфа Дмитриевна на перекрёстке дорог из Растовки в лес, в Тимофеевку и Вольтинское (ст. Никулино) положила листовки. Всё оглядывалась, не едет ли кто? Потом приезжает к ней поп Малиновский из Вольтинского. Взволнованный, перепуганный. «Знаете, Марфа Дмитриевна, что я сейчас нашёл? Посмотрите-ка что! Листовки против царя пишут». Вёхова, конечно, вместе с ним возмущается, удивляется: и кто, мол, мог это написать, у кого рука поднялась?»

В 1961 году брат Пётр писал: «В годы войны (1914–1917) Буйковку посещал ряд интеллигентных людей. Вероятно, некоторые из них имели и революционные идеи. Даже писались

что-то вроде листовок против про-
дажного, ненавистного царизма и за-
теянной им братоубийственной войны.
Для этого использовались отдельные
школьники, чтобы почерк был дет-
ский (я лично писал). Трудно сказать,
кто был организатором этого дела».

Марфа Дмитриевна царя называла
«Миколька-горнист» (в деревне был
не очень умный мужчина по прозвищу
Горнист). У себя в доме, на кухне, она
по вечерам собирала крестьян, читала
им газеты. Когда совершилась Фев-
ральская буржуазно-демократическая
революция (1917 г.), то Вёхова вместе с
А.Ф. Щербо читала газеты и беседова-
ла с крестьянами об отречении от пре-
столол Николая II. Они говорили: «Вы
не представляете себе, какое большое
событие произошло у нас в России.
Ведь это самый радостный праздник,
больше, чем Пасха – светлое Христово
Воскресение – должно быть для вас».

Брат Пётр писал: «Было интересно
смотреть, с каким пафосом говори-
лось о том, что открывает революция
перед народом. Я присутствовал при
этой оживлённой и яркой беседе в то
время».

В начале XX века в Буйковку приез-
жали многочисленные представители
интеллигенции. Собирали крестьян,
говорили им: что ж вы смотрите, бе-
рите землю, возите лес. То есть Мар-
фа Дмитриевна всё время была связа-
на с передовой частью интеллигенции
и сама была человеком с весьма про-
грессивными взглядами.

Вместо старой школы, построен-
ной М.Д. Вёховой, поставили новую,
просторную школу, где я закончила
4-й класс у Елизаветы Петровны Чи-
халовой. Марфа Дмитриевна интере-
совалась, как подвигается дело, потом
сообщала Вере Васильевне. Вот её
письмо за 30 октября 1928 года:

«Школа наша плохо прибывает в по-
стройке – материал плохо подвозится.
А хотели с 10 октября начать занятия.
Вряд ли в двадцать восьмом году она
будет функционировать... Учительница
всё в Тагае... (Это, видимо, Иконнико-
ва Александра Ивановна. – Е.Н.) Вот
квартирку их отделали на славу. Как
фонарик – тепло, чисто, светло. С удо-
вольствием сменялась бы. Три года их
жизни в Буйковке – и уже два раза ре-
монтировали квартиру. Словно неспро-
ста, словно у них баушка ворожит. Со-
ртир для учеников не могут устроить, а
квартиру чуть не каждый год. Хоть бы
как человек-то она стояла этого!..»

А вот ещё одно письмо Марфы Дми-
триевны – подругам.

«Милые мои друзья! Я придумала
вот что: почему бы, например, Вере
Васильевне не откомандироваться от
известной группы или коллегии (моих
друзей) в Буйковку за продуктами,
пока ещё можно что-нибудь добыть.
Дождя нет, надежды на урожай пло-
хие... Сюда с попутчиком перед Трои-
цей будет в Симбирске Дёмин, и Кри-
санф собирается. Ну, одним словом,
справляться нужно у Давыдовых. Ну,
вот составьте компанию по поездке
и подводы за счёт компании наймите
на продукты – и дело в шляпе! У них,
наверное, на исходе всё... Яиц, тво-
рогу, ну и муки ещё можно пошарить
по мельницам – думаю, что тысячи до
2 или около этого можно добыть. И те
4 п., которые у меня, захватите. М.б.,
крупы полбяной немного можно будет
достать. Приезжайте как Вера Васи-
льевна! Я буду копить творог – уступлю
его в вашу коммуны за половину цены –
вот и оправдается половина подводы!
Шурка Смирнова собирается – того гля-
ди, припылит – всё подберёт лишнее...
Наберите вы мне табаку, чем больше,
тем лучше. Не найдётся ли папиросной
бумаги? Право, потом ничего нельзя бу-
дет добыть. В полях – незавидно. М.б.,
барашка придётся купить. Приезжайте,
но не вообразите, пожалуйста, что вы
меня стесните или что надоедаете мне –
сохрани вас бог от эдаких мыслей. Вы
эдакими мыслями такое мне огорчение
доставите, что по гроб не забуду. Это
будет для меня кровная обида...»

Целую, привет всем: и Мар. Григор.,
и Люб. М. Дм».

Материал подготовил
Лев Нецветаев

Р.С. Льва Нецветаева

Появился повод для небольшого по-
слесловия. Когда предыдущий номер
журнала уже был в печати, в бума-
гах мамы я неожиданно встретил
очень ценное дополнение к её статье.
Это была пожелтевшая почтовая
открытка 1930 года, посланная из
Ульяновска (!) 4 июля в село Ивановка
Хвалынского района Вольского округа
Герасимову Аркадию Ивановичу для...
Марии Ивановны. Значит, к маме от-
крытка попала от самой М.И. Гера-
симовой, с которой у них велись дол-
гие беседы-воспоминания, и старшая
мамина сестра, моя тётя Нюра (Ку-
дашёва), принимала в них участие.

От кого же открытка? Обраще-
ние «Дорогая моя Мария» (без от-
чества) говорит и о душевной близос-
ти, и о сравнительной молодости
адресатки. Уж не Вера ли Васильевна
пишет своей воспитаннице? О плане
прокатиться по Волге и, возможно,
встретиться обeim («хотя, вероятно,
пароход стоит очень недолго»).

Село Ивановка Хвалынского района
Саратовской области и сейчас сто-
ит на правом берегу Волги. А дальше
в открытке... я, не веря своим глаза-
м, читаю: «Теперь я должна сообщить
тебе очень печальную новость: скон-
чалась 29 июня Марфа Дмитриевна, –
я до сих пор не могу прийти в себя;
как-то многое в нашей квартире на-
поминает её – вероятно, эта весть и
тебя очень опечалит...». Вот как мно-
го значила буйковская радетельница,
с которой десятилетия моя мама
играла в шашки, для таких людей, как
Вера Васильевна Кашкадамова.